

ДЖОН ГРИШЭМ

КОРОЛЬ
СДЕЛКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Эксклюзив: лучшие детективы»

John Grisham

THE KING OF TORTS

Перевод с английского И. Дорониной

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Король сделки : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 448 с. — (Эксклюзив: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-148476-7

Государственный защитник...

Рутинная, не слишком хорошо оплачиваемая работа, которую приходится выполнять едва ли не каждому начинающему юристу. Работа, которая не сулит Клею Картеру ничего интересного...

Пока он не возьмется за дело парня, совершившего убийство, казалось бы, безо всякой причины.

Пока не поймет, что за банальным делом стоит дело настоящее.

Дело трудное, опасное, сулящее не просто большие — огромные деньги.

Дело, которое может стать началом блестящей карьеры, — если рискнуть всем и пойти ва-банк.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc, 2003

© Перевод. И. Дорониной, 2013

ISBN 978-5-17-148476-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Выстрелы слышали не менее восьми человек. Трое из них инстинктивно закрыли окна, проверили дверные замки и затаились в безопасности или по крайней мере уединенности своих маленьких квартир. Двое других, имевших кое-какой опыт в подобных делах, бросились бежать от злополучного места едва ли не быстрее, чем стрелявший. Еще одного, фаната повторного использования отходов, привычные резкие звуки уличной перестрелки застали в тот момент, когда он рылся неподалеку в мусорном баке, выуживая алюминиевые банки. Он мгновенно спрятался за гору картонных коробок, переждал заварушку, после чего осторожно прокрался в аллею, где и наткнулся на то, что осталось от прошитого пулями Пампкина*.

А два человека видели практически все. Они сидели на пустых пластиковых ящиках для молочных бутылок на углу Джорджия-авеню и Леймонт-стрит у винного магазина. От стрелявшего — тот быстро огляделся, прежде чем последовать в аллею за Пампкином, — их почти полностью заслонял припаркованный у тротуара автомобиль, так что убийца их не заметил. Эти двое и сообщили полиции, что видели парня, который на хо-

* Pumpkin — тыква (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

ду вытащил из кармана оружие — маленький черный пистолет. Свидетели хорошо его разглядели. А секунду спустя слышали выстрелы, хотя того, как пули пронзили голову Пампкина, своими глазами не видели. Еще через секунду парень с пистолетом в руке выскочил из аллеи и по неизвестной причине ринулся прямо на них. Он мчался, как обезумевшая от страха собака, согнувшись в пояснице, с чертовски виноватым выражением лица. Красно-желтые баскетбольные кроссовки были ему велики размеров на пять и шлепали по тротуару.

Пробегая мимо, он все еще держал в руке пистолет — похоже, тридцать восьмого калибра. Заметив людей и сообразив, что они слишком много видели, он на долю секунды замешкался. Момент был ужасный, им показалось, что убийца решил убрать свидетелей и уже взводит курок, поэтому оба, не сговариваясь, в мгновение ока сделали кувырок назад — только руки-ноги мелькнули над ящиками. В следующий миг парень исчез.

Один из свидетелей, добежав до винного магазина, открыл дверь и заорал, чтобы кто-нибудь вызвал полицию.

Через полчаса в полицейский участок поступило сообщение, что молодой человек, соответствующий описанию свидетелей, был дважды замечен на Девятой улице: он не таясь шел с пистолетом в руке и вел себя еще более странно, чем большинство тамошних обитателей. По крайней мере одного человека он попытался затащить на пустырь, но предполагаемой жертве удалось удрать и позвонить в полицию.

Парня нашли через час. Его звали Текила Уотсон — чернокожий, двадцати лет от роду, с обычным «послужным списком» наркомана. Ни родственников, заслуживающих внимания, ни постоянного места жительства.

Последним местом, где он обитал, был реабилитационный центр на Дабл-Ю-стрит. Каким обра-

зом парень раздобыл пистолет, неизвестно. И если он ограбил Пампкина, то всю добычу — деньги, «колеса» или что там еще могло быть, — видимо, выбросил, поскольку карманы его были так же пусты, как и бессмысленный взгляд. Полицейские удостоверились, что в момент ареста Текила не находился под воздействием каких бы то ни было наркотиков. Быстрый жесткий допрос состоялся прямо на улице, после чего на парня надели наручники и затолкали на заднее сиденье патрульной машины с буквами «ОК»*.

Его отвезли обратно на Леймонт-стрит и устроили импровизированную очную ставку с двумя свидетелями. Текилу провели в аллею, где он оставил тело Пампкина.

— Ты был здесь раньше? — спросил полицейский.

Текила ничего не ответил, лишь молча вперил взгляд в лужу свежей крови на грязном цементе. Незаметно подвели свидетелей.

— Это он! — в один голос выпалили оба.

— Одежда та же и кроссовки, только пистолета не хватает.

— Да, это он.

— Точно.

Текилу снова затолкали в машину и отвезли в тюрьму. Там его зарегистрировали как подозреваемого в убийстве и заперли в камере без реальной надежды быть выпущенным на волю под залог. То ли наученный опытом, то ли от страха Текила не произнес ни единого слова, как ни уговаривали, улещивали и даже пугали его полицейские. Не было обнаружено ни отягчающих, ни смягчающих обстоятельств и никакой причины для убийства Пампкина. Ни малейшей ниточки, которая помогла бы распутать историю взаимоотношений этих людей, если

* Округ Колумбия.

таковая вообще существовала. Пожилой детектив сделал краткую запись в деле: убийство представляется еще менее мотивированным, чем обычно.

Текила не воспользовался правом на телефонный звонок и даже не заикнулся об адвокате или вероятном поручителе. Казалось, что, сидя в переполненной камере и уставившись в пол, он пребывал в сумеречном, но безмятежном состоянии.

Каких-либо следов отца Пампкина найти не удалось, но его мать работала охранницей и в настоящий момент дежурила в нижнем этаже большого административного здания на Нью-Йорк-авеню. Полиции потребовалось три часа, чтобы выяснить настоящее имя ее сына — Рамон Памфри, — установить адрес и отыскать соседей, пожелавших сообщить, что у него есть мать.

Адельфа Памфри сидела за столом в стеклянной будке при входе в здание, наблюдая за множеством мониторов. Это была крупная, плотная женщина в облегающей форме цвета хаки, с пистолетом у пояса. Лицо ее выражало полное равнодушие. Явившимся к ней полицейским сотни раз приходилось проделывать эту процедуру: они сообщили женщине ужасную новость, после чего отправились к ее начальнику.

В городе, где молодые люди убивают друг друга каждый день, привычка к кровопролитию сделала людей толстокожими и жестокосердыми. У каждой матери были приятельницы, потерявшие детей. Любая новая утрата на шаг приближала смерть и к их дому, каждая мать знала, что следующий день может оказаться последним и для ее сына. Обхватив голову руками, Адельфа думала о сыне. Она представляла, как его бездыханное тело лежит в одном из городских моргов и незнакомые люди осматривают его.

Е Она клялась отомстить убийце, кем бы он ни был.

Она проклинала его отца за то, что он бросил сына.
Она оплакивала свое дитя.

И знала, что нужно выжить. Всеми правдами и неправдами — выжить.

Адельфа пришла в суд на предъявление обвинения. В полиции сообщили, что подонок, убивший ее сына, должен присутствовать на этой краткой рутинной процедуре, во время которой он скорее всего не признает себя виновным и потребует адвоката. Сидя в последнем ряду между братом и соседкой, она без конца утирала слезы уже насквозь промокшим платком. Ей нужно было увидеть парня. Она хотела спросить: «Почему?» — но понимала, что возможности сделать это не представится.

Обвиняемых прогоняли по проходу, как скот на торги. Все были черными, в оранжевых тюремных комбинезонах, в наручниках, все — молодые. Отбросы общества.

Текила, как особо опасный преступник, кроме наручников, был в цепях, соединявших запястья и щиколотки, хотя на вид он казался совершенно безобидным по сравнению с другими. Он окинул быстрым взглядом зал: нет ли знакомых — вдруг кто-нибудь случайно забрел поболеть за него? Когда арестованных усадили на предназначенный для них ряд стульев, один из вооруженных судебных приставов склонился к нему:

— Тот парень, которого ты угробил... Вон там, сзади, в синем платье, его мать.

Текила медленно повернул низко опущенную голову и исподлобья глянул — лишь на миг — прямо в мокрые опухшие глаза матери Пампкина. Пожирая взглядом тощего мальчишку в огромном, не по размеру, комбинезоне, Адельфа гадала: где его мать, как она его растила, есть ли у него отец и, главное, как и почему пересеклись пути ее сына и этого парня? Оба были одного возраста, как, впрочем, и остальные присутствовав-

шие здесь обвиняемые, — лет двадцати, чуть моложе, чуть старше. В полиции ей сказали, что, по крайней мере, на первый взгляд наркотики тут ни при чем. Но она-то знала: наркотики всегда «при чем», они отравляли всю жизнь улицы. Уж Адельфе-то это было отлично известно. Пампкин баловался и травкой, и кокаином, однажды даже привлекался за хранение, но никогда не совершал насилия. Полицейские считали, что убийство, скорее всего, было случайным. Все уличные убийства случайны, сказал ее брат, но каждое имеет причину.

У одной стены зала располагался длинный стол, за которым сидели представители власти. Полицейские что-то нашептывали на ухо обвинителям, те поспешно листали дела и рапорты, героически пытаясь ознакомиться с массой бумаг до того, как обвиняемый предстанет перед судьей. У противоположной стены стоял такой же стол для защитников. Те входили и выходили под непрерывный гул аудитории и отскакивавшие от зубов судьи обвинения: в распространении наркотиков, в вооруженном ограблении, в сексуальном нападении, опять в распространении наркотиков, в оскорблении словом... Когда называли имя обвиняемого, того подводили к судейскому столу, где он стоял молча, пока законники шуршали бумагами, потом уводили обратно в тюрьму.

— Текила Уотсон, — провозгласил пристав.

Другой пристав помог Текиле подняться. Тот поковылял вперед, звеня цепями.

— Мистер Уотсон, вы обвиняетесь в убийстве, — громко произнес судья. — Сколько вам лет?

— Двадцать, — ответил Текила, понурившись.

Обвинение в убийстве, разнесшееся по залу, заставило всех притихнуть. Другие обвиняемые смотрели на Текилу с восхищением. Даже юристы и полицейские проявили интерес.

8 — Вы можете нанять адвоката?

— Нет.

— Так я и думал, — пробормотал судья и бросил взгляд на стол защиты.

Плодородная нива отдела по особо тяжким преступлениям уголовного департамента Верховного суда округа Колумбия обрабатывалась сотрудниками БГЗ — Бюро государственных защитников, которое служило страховочной сеткой для всех неимущих обвиняемых. Семьдесят процентов дел требовали назначенных судом адвокатов, и в любой момент слушаний полдюжины ГЗ — государственных защитников в дешевых костюмах и стоптанных мокасинах, с бумажными папками, торчащими из портфелей, — толклись поблизости, чтобы быть под рукой. В данный момент, однако, на месте оказался лишь один из них — достопочтенный Клей Картер-второй, задержавшийся, чтобы пролистать дела куда менее опасных преступников. Застигнутый врасплох адвокат больше всего на свете желал сейчас оказаться вне зала суда. Повернув голову налево, потом направо и не заметив никого из коллег, Клей понял, что его честь смотрит именно на него. Куда, черт возьми, подевались все остальные ГЗ?

За неделю до того мистер Картер завершил дело об убийстве, тянувшееся почти три года и окончившееся тем, что его клиент остался в тюрьме, из которой никогда не выйдет, по крайней мере официально. Клей Картер был счастлив, что тот наконец за решеткой и что у него на столе в настоящий момент нет других дел, связанных с убийствами.

Похоже, счастье длилось недолго.

— Мистер Картер! — сказал судья. Это не был приказ — всего лишь приглашение выйти вперед и заняться тем, чем занимаются все ГЗ: защищать неимущего независимо от характера преступления.

Мистер Картер не имел права выказать слабость, особенно на виду у полицейских и проку-

роров. Он тяжело сглотнул, не стал медлить и подошел к судейскому столу так, словно намеревался немедленно, здесь и сейчас, приступить к защите своего подопечного перед лицом суда присяжных. Приняв от судьи папку, он быстро пролистал несколько лежавших в ней бумаг, не обращая внимания на умоляющий взгляд Текилы Уотсона, потом веско заявил:

— Мы будем ходатайствовать о признании подсудимого невиновным, ваша честь.

— Благодарю вас, мистер Картер. Значит, заносим ваше имя в протокол в качестве адвоката ответчика?

— Пока да. — Мистер Картер уже обдумывал, как бы свалить это дело на кого-нибудь из коллег.

— Прекрасно. Спасибо, — заключил судья, протягивая руку к следующей папке.

Адвокат и подзащитный коротко переговорили, присев за стол. Картер получил всю информацию, которую Текила пожелал ему сообщить — ее оказалось не много, — и пообещал приехать в тюрьму завтра для более обстоятельного разговора. Пока они беседовали, места за столом неожиданно заполнились молодыми юристами из БГЗ, будто материализовавшимися из ниоткуда коллегами Картера.

«Неужели все было подстроено? — подумал Картер. — Неужели они специально слиняли, зная, что в этой группе человек, обвиняемый в убийстве?» За прошедшие пять лет он и сам не раз проделывал подобные трюки. Увиливание от неприятных дел почиталось в БГЗ высшим проявлением профессионализма.

Картер сгреб свой портфель и поспешно проследовал по центральному проходу мимо встревоженных родственников арестантов, мимо Адельфы Памфри с ее немногочисленной группой поддержки в вестибюль, забитый

другими обвиняемыми, их мамашами, подружками и адвокатами. В их бюро служили и такие

юристы, которые утверждали, будто смысл их жизни составляет хаос, царящий в суде Карла Маултри*, — напряженность разбирательств, аура опасности, порождаемая одновременным присутствием в помещении множества преступников, мучительное противостояние жертв и насильников, неимоверная перегруженность делами, призвание защищать бедных и обеспечивать справедливое отношение к ним со стороны полиции и судебной системы.

Если Клею Картеру карьера государственного защитника когда-то и казалась привлекательной, то теперь он не мог вспомнить — почему. Через неделю исполнялась пятая годовщина его службы в БГЗ, которая пройдет без всяких торжеств и о которой, как он надеялся, никто не узнает. К тридцати одному году Клей чувствовал себя выжатым как лимон, загнанным, будто в капкан, в кабинет, который стыдился показать даже друзьям. Он будто искал, но не мог найти выхода, а теперь еще оказался обременен новым делом о бессмысленном убийстве. Бремя с каждой минутой казалось все тяжелее.

Входя в лифт, он не переставал мысленно ругать себя за то, что так глупо попался. Это же ловушка для новичка, а он слишком долго бродил по этим джунглям, чтобы так легко попасть в западню, тем более устроенную на хорошо знакомых охотничьих угодьях. «Нет, все, увольняюсь!» — это было обещание, которое на протяжении последнего года он давал себе каждый день.

В лифте было еще два человека: какая-то секретарша с кучей папок и мужчина лет сорока с небольшим, весь в черном — в фирменных джинсах, футболке, пиджаке

* Некоторые судебные, университетские и иные официальные здания в США носят имена людей, либо пожертвовавших деньги на строительство, либо отличившихся в соответствующей области.

и туфлях из крокодиловой кожи. Держа перед собой газету, он делал вид, что читает сквозь маленькие очки, висевшие на кончике довольно длинного, но изящного носа; на самом деле он внимательно изучал Клея, который этого не замечал. Да и с чего бы он стал обращать внимание на кого бы то ни было в здешнем лифте?

Если бы Картер не был полностью погружен в свои мысли, он бы обратил внимание на то, что мужчина слишком хорошо одет для подсудимого, но недостаточно официально для юриста. В руках у него не было ничего, кроме газеты, что само по себе настораживало: здание суда Карла Маултри отнюдь не было подходящим местом для чтения. Незнакомец не был похож ни на судью, ни на чиновника, ни на жертву, ни на обвиняемого, но Клей его вообще не заметил.

Глава 2

В городе, где насчитывалось 76 тысяч адвокатов, в основном работавших в крупных фирмах, расположенных на расстоянии ружейного выстрела от Капитолия, — в богатых и могущественных фирмах, куда стремились блестящие юристы, поскольку работа здесь сулила непристойно высокие гонорары, где тупейшие экс-конгрессмены с большой выгодой для себя лоббировали сделки и куда самые непримиримые тяжущиеся стороны приходили с собственными агентами, — Бюро государственных защитников занимало одно из последних мест в низжайшей лиге. Ниже некуда.

Среди адвокатов БГЗ были люди, беззаветно преданные идеалам защиты нищих и обездоленных, поэтому для них работа тут не являлась ступенькой на карьерной лестнице. Какими бы скудными ни были их доходы

и как бы туго им ни приходилось материально, эти юристы испытывали восторг от того, что про-

фессионально ни от кого не зависят, и глубокое удовлетворение от того, что защищают жертв социальной несправедливости.

Большинство же ГЗ считали это место службы неким транзитом — не более чем тренингом перед многообещающим карьерным броском. Научись всему, чему можно научиться только в самых жестких обстоятельствах, замарай руки, поварись в котле, к которому никто из юристов крупной компании не захочет и приблизиться, — и в один прекрасный день истинно прозорливая фирма вознаградит твои старания. Богатейший опыт участия в судебных разбирательствах, широкие знакомства в среде судей, чиновников и полицейских, выносливость к экстремальным нагрузкам, умение справляться с самыми трудными клиентами — вот преимущества, которые могут оценить ГЗ уже через несколько лет службы.

Восемьдесят адвокатов бюро теснились на двух до отказа забитых этажах здания с душными кабинетами — бесцветного цементного сооружения, известного в народе как Куб и располагавшегося на Месс-авеню неподалеку от Томассеркл. Около сорока низкооплачиваемых секретарей и три дюжины параюристов — служащих, не имеющих специального юридического образования, — заполняли каждый свободный дюйм пространства в лабиринте крохотных каморок. Директором бюро была дама по имени Гленда, большую часть времени проводившая за запертой дверью своего кабинета, потому что только там она чувствовала себя в безопасности.

Начальное жалование адвоката составляло 36 тысяч долларов в год. Прибавки были мизерными и заставляли себя долго ждать. Дуайен здешнего адвокатского корпуса, измочаленный мужчина сорока трех лет, зарабатывал 57 600 долларов и последние девятнадцать лет непрерывно грозился уйти. Юристы имели

чудовищные нагрузки, поскольку город постоянно вел неравную борьбу со все возрастающей преступностью. Потоку неимущих преступников не было конца. На протяжении последних восьми лет Гленда регулярно включала в бюджетный план десять новых адвокатских ставок и двенадцать ставок параюристов, но вот уже четыре года бюджет БГЗ, напротив, неуклонно сокращали. Сейчас она ломала голову над тем, кого из параюристов уволить и кого из адвокатов перевести на полставки.

Как большинство других ГЗ, Клей Картер поступал на юридический факультет вовсе не для того, чтобы посвятить всю жизнь или хотя бы краткий ее отрезок защите неимущих преступников. Боже сохрани! Когда он учился в колледже и на юрфаке Джорджтаунского университета, его отец имел в ОК собственную фирму, в которой Клей несколько лет сотрудничал. У него даже был свой кабинет. Тогда они строили наполеоновские планы: отец и сын поведут дела совместно, и деньги рекой польются в их карманы.

Но когда Клей заканчивал последний курс, фирма лопнула, а его отец покинул город. Впрочем, это отдельная история. Клею пришлось довольствоваться должностью государственного защитника — хорошо, что в последний момент подвернулась хотя бы она.

Ему понадобилось три года, чтобы всеми правдами и неправдами заполучить отдельный кабинет — без окна, размером с крохотный чуланчик, где стол занимал половину жизненного пространства. В отцовской фирме у него был кабинет раза в четыре просторнее, с видом на колонну Вашингтона. Этот вид он, как ни старался, не мог стереть из памяти. Минувло пять лет, а Картер сидел все за тем же ненавистным столом, глаза на стены, которые, казалось, с каждым месяцем подступали все

ближе, и недоумевал: как могло случиться, что

Швырнув папку с делом Текилы Уотсона на идеально прибранный стол, он снял пиджак. Было бы неудивительно, если бы посреди окружающего бедлама он запустил свой кабинет, предоставил папкам накапливаться на столе, захламлять свободное место и не без оснований оправдывал бы себя крайней занятостью и отсутствием секретаря. Но отец учил его: порядок на столе означает порядок в мыслях. «Если ты не можешь найти нужную бумагу в течение тридцати секунд, ты теряешь деньги», — говаривал он. Еще одним твердо заученным правилом было немедленно отвечать на звонки.

Фанатичная приверженность порядку немало забавляла замотанных коллег Картера. На стене за спиной Клея висел диплом Джорджтаунского университета в красивой рамке. В первые два года службы в БГЗ Клей не решался вывесить его, опасаясь, что коллеги станут недоумевать: почему человек, окончивший престижный университет, вкалывает за такие гроши? «Ради опыта, — убеждал себя Клей, — я торчу здесь, чтобы набраться опыта». Каждый месяц — выступление в суде, в жестком суде, против безжалостных обвинителей, перед немилосердными присяжными. Только спустившись на самое дно, в кровь ободрав костяшки пальцев, можно научиться тому, чему не научит никакая крупная фирма. А деньги придут потом, когда он в свои молодые еще годы станет закаленным бойцом на судебном поприще.

Глядя на тощую папку с делом Уотсона, лежавшую на пустом столе, Клей размышлял, как бы его кому-нибудь сбаврить. Он устал от суровых дел, от жесткого тренинга и прочей дряни.

Шесть розовых листочков с сообщениями о телефонных звонках были прикреплены на краю стола: пять деловых и один от Ребекки, его давней подруги. Ей он отзвонил в первую очередь.